

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

---

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

ФОРМЫ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Желательное наклонение (*optativ*, *optativ-subjonctiv*, *voluntativ*, *kohortativ*) в тюркских языках имеет ограниченную сферу проявления: 1 л. ед. и мн. ч., в языках Сибири и Алтая также двойственного числа, реже — 1 и 2 л. и еще реже — 1, 2, 3. Его формы передают специфическое, характерное преимущественно для них, содержание и как бы восполняют то, что по понятным причинам отсутствует в парадигме повелительного наклонения: повеление адресуется собеседнику или третьему лицу, в отношении же самого говорящего оно утрачивает категоричность, не становясь ни просьбой, ни призывом.

В тюркских языках обычно выделяют два аффикса желательного наклонения — *-a(j) ~ -i(j)* и *-γa(j)*.¹ Примеры: др.-тюрк. *jatajın* 'полежу-ка', *olurajın* 'сяду-ка', *alajı* 'возьму-ка', *biläj* 'узнаю-ка', *bolalım* 'будем-ка', *qurtulalım* 'освободимся-ка', *bitilim* 'напишем-ка';² ст.-азерб. *öldüräjim* 'убью-ка', *sorajım* 'спрошу-ка', *içäli* 'выпьем-ка', *olalum* 'станем-ка', *varalım* 'пойдем-ка', *bazawız* 'посмотрим-ка';³ ст.-тур. *varajım* 'пойду-ка', *satam* 'продам-ка', *biläwän* 'узнаю-ка', *köräjwän* 'увижу-ка', *äjläwän* 'сделаю-ка';⁴ ст.-узб. *jašurajın* 'скрою-ка', *alaj* 'возьму-ка', *köräjim* 'посмотрю-ка', *jegälim* 'поедим-ка', *körä(j)lik* 'увидим-ка', *beräjik* 'дадим-ка';⁵ алт. *barγajzın* 'пойти бы тебе'; кар. *alγajmın ~ alγajm ~ alγejm* 'возьму-ка'; кирг. *žazalı(q)* 'напишем-ка'; кр.-тат. *alγajdım* 'взять бы мне', *alγajdın* 'взять бы тебе'; тат. *alǰım* 'возьму-ка', *alǰıq* 'возьмем-ка'; тув. *kelijn* 'приду-ка', *kelil* 'придем-ка' (дв. ч.), *keliliper* 'придем-ка' (мн. ч.); турк. *jazajın* 'напишу-ка', *jazalın* 'напишем-ка'; шор. *paraajın*, *parγajbın* 'пойду-ка', *parγajzın* 'пойти бы тебе', *parγaj* 'пойти бы ему', 'пусть пойдет'.

1. Широко распространено мнение, что аффикс желательного наклонения *-a(j)* связан с аффиксом *-γa(j)*, при помощи которого в древнетюркских письменных памятниках образовывалась одна из форм будущего времени.⁶ Согласно другому мнению, аффикс *-a(j)* восходит к реконструируемому общетюркскому показателю «безличного» *optativ*'а или *precativ*'а **-qaj ~ *-käj*, который имел значения повеления, долженствования, возможности, на-

мерения и будущего времени, выразившиеся сначала недифференцированно, а затем раздельно.⁷ Несколько иной точки зрения придерживается Ш. Шукуров, по мнению которого и форма желательного наклонения на *-a(j)*, и форма на *-a*, «типа старотурецкой», возникли в результате преобразования причастия настоящего-будущего времени на *-γα* (*alγam* > *alam*, *alγajīm* > *alajīm* > *alīm* > *alim*, *alγajīn* > *alajīn* > *alaj*).⁸ Общим для всех перечисленных точек зрения является рассмотрение аффикса *-a(j)* как фонетической разновидности аффикса *-γα(j)*.

Безусловно, в некоторых языках, например в огузских, аффикс *-γα(j)* должен был измениться в *-a(j)*. Здесь уместно напомнить о том фонетическом изменении, которому подвергся в языках огузской группы аффикс причастия прошедшего времени *-γan*, ср. аз. *uçan* 'летающий' (< *uçγan*); тур. *olan* 'ставший' (< *bolγan*). С другой стороны, форма на *-γα(j)* настолько близка к форме на *-a(j)* по содержанию, что вполне естественна их контаминация,⁹ ср. др.-тюрк. *jegäwüz* 'поедим-ка' (Тэф. 706); ст.-узб. *bašlaγajīn* 'начну-ка', *kizlägäjin* 'спрячу-ка', *tilägäjim* 'пожелаю-ка'; узб. (диал.) *barmajīn* ~ *barmayajīn* 'не пойду-ка';¹⁰ *boraj* ~ *borγaj* 'пойду-ка';¹¹ алт. *barγajīm* 'пойду-ка'; шор. *odurγajīm* 'сяду-ка'.

Нисколько не сомневаясь в важности той роли, которую сыграла форма на *-γα(j)* в становлении и развитии тюркского опатива, мы, тем не менее, убеждены, что эта роль не была ведущей и что нет достаточных оснований рассматривать аффикс *-a(j)* как фонетическую разновидность аффикса *-γα(j)*.

Прежде всего следует заметить, что формы типа *alaj*, *alajīq* ~ *alaq* являются общетюркскими, выпадение же *γ* перед гласными происходило главным образом в языках огузской группы. Примечателен сам факт параллельного употребления формы на *-γα(j)* с формой на *-a(j)* в алтайском, казахском, ногайском, тувинском, хакасском, узбекском и др.: ср. алт. *alajīn*, *alajajīm* 'возьму-ка'; башк. *bulajīm* 'буду-ка', *buγaj* (< *bulγaj*) 'кажется, как будто'; каз. *ozajīn* 'перегоню-ка', *ozγajīm* 'перегнать бы мне'; кирг. *žazajīn* 'напишу-ка', *žazγaj elem* 'написал бы я'; кум. *gelejim* 'приду-ка', *gelgej edim* 'пришел бы я'; ног. *barajīm* 'пойду-ка', *barγaj edim* 'пошел бы я'; уйг. *alaj* 'возьму-ка', *alγedim* (< *alγaj edim*) 'взял бы я'.

Обращает на себя внимание также семантическое своеобразие формы на *-γα(j)* по сравнению с формой на *-a(j)*. Как в древних, так и в современных языках она входит в систему временных форм изъявительного наклонения, ср. др.-тюрк. *ol altun taγa tegsärsiz kök linxua körgäjsiz* 'если вы достигнете золотой горы, увидите голубой лотос' (КР 38₂), *ačiq bolγa* 'горько будет' (XX В₄₃₆), *ešäkni ... bermägäjmän* 'осла ... не дам' (USp 3₈); ст.-узб. *bolγa-tan Mišir ulusıya qonaq* 'буду гостем у народа Египта'; уйг. (диал.) *ba(r)γajmän* 'пойду', *ba(r)γajsän* 'пойдешь'. В тувинском языке при помощи аффикса *-γaj* ~ *-qaj* образуется форма согласительного наклонения, ср. *barγaj men* 'ладно, пойду', *barγaj sen* 'ладно, пойди', *barγaj* 'ладно, пусть пойдет',¹² но: *barijñ* 'пойду-ка'.

2. Основная цель, которую мы ставим перед собой — ответить на вопрос: из чего и как образовалась форма желательного наклонения на $-a(j)$?

Поиски прототипа, как нам кажется, необходимо вести не столько в плане материальных сближений, сколько путем выяснения наиболее вероятных линий семантического развития. Отправной пункт наших поисков — гипотеза об изначальном отсутствии наклонений и формировании различий между ними в процессе морфологического обособления глагола от имени. Многие тюркологи справедливо указывают, что по мере углубления в историю тюркских языков существующие формальные и семантические различия между наклонениями заметно стираются и что употребляемые в современных литературных языках с более или менее определенными грамматическими значениями формы наклонений в древности были многозначными. Их «семантическая разгрузка» осуществлялась по линии закрепления за той или иной формой какого-либо одного значения и постепенной утраты других значений.¹³ Естественно, что этот процесс был сложным и многообразным и поэтому характер семантической структуры разных форм наклонений в разных тюркских языках далеко не одинаков.

Очевидно, самым ранним по времени было разграничение изъявительного и повелительного наклонений. Именно так, по мнению А. Н. Савченко, обстояло дело в индоевропейских языках. «Можно думать, — пишет он, — что разделение изъявительного и повелительного наклонений в индоевропейском языке произошло в эпоху образования личных окончаний, причем форма повелительного наклонения, оставшаяся без окончания, противостояла формам изъявительного наклонения, получившим личные окончания».¹⁴

Повелительное наклонение, имея своеобразную семантику и не будучи выраженным специальными аффиксами, постепенно обособилось. В. А. Богородицкий, не без оснований, сравнивал форму повелительного наклонения 2 л. ед. ч. со звательной формой имени и предлагал рассматривать последнюю «как род подлежащего» к первой форме.¹⁵ Иначе обстояло дело с изъявительным наклонением. Его содержанием была констатация действия в самом широком плане, не исключающая выражения точки зрения говорящего на отношение субъекта к действию,¹⁶ вследствие чего охватываемые им формы вошли в парадигмы не только изъявительного, но и других наклонений. С учетом этого обстоятельства, в функционировании формы на $-\gamma a(j)$ как временной формы и вместе с тем как формы желательного наклонения нет ничего необычного.

Возвращаясь к вопросу о том, из чего и как образовалась форма желательного наклонения, мы думаем, что первоначально это было осложненное модальными оттенками субстантивно-адъективное имя действия на $-a$, типа *jaza*, *bara*, развитие которого характеризовалось, с одной стороны, усилением модальности, с другой, — ее вытеснением временными значениями.

Абсолютизация временных значений выразилась в использовании имени действия на *-a* в качестве основы настоящего и настоящего-будущего времени.¹⁷ Примеры: др.-тюрк. *men sengä başumñi gutumñi berämän* 'голову свою, счастье свое я отдаю тебе' (ЛОК 22₆); ст.-аз. *bir gün ola düšäm öläm sän çalasan* 'наступит день — я умру, а ты останешься';¹⁸ ст.-тур. *çox jirsey çox zahmet göresin* 'если много съешь, испытаешь много мучений';¹⁹ башк. *kiläm* 'прихожу', *kilähñ* 'приходишь'; кар. *kelämìn* 'прихожу', *keläsìn* 'приходишь'; кирг. *baramìn* 'пойду'; кум. *baraman* 'иду', *barasan* 'идешь', *bara* 'идет'; тат. *alam* 'беру'; турк. (диал.) *alaman* 'возьму', *gelemän* 'приду'; узб. *jozaman* 'напишу', *jozasan* 'напишешь'; уйг. *ketimän* (< *ketämän*) 'уйду'; як. *kelebin* 'прихожу', *barabät* 'идем'.

О том, что в содержание имени действия на *-a* входили модальные оттенки, свидетельствуют материалы письменных памятников и современных языков, в которых встречаются случаи его употребления в роли супина,²⁰ например: др.-тюрк. *üç oçuz süsi basa kelti jadaç jabiz bolti tep alçali kelti* 'войско уч-огузов пришло, чтобы разгромить [нас]; думая, что [у нас] пешее войско слабое, пришли захватить [нас]' (БК₃₂); ст.-узб. *meni körä keldi* 'он пришел, чтобы увидеть меня', *jarmaq tiläj barur erdi* 'он отправлялся просить деньги';²¹ башк. *ul kitap ala kitti* 'он пошел, чтобы взять книгу'.²² В азербайджанском, гагаузском и турецком языках форма на *-a* выступает только в значении желательного наклонения: аз. *alam*, гаг., тур. *alajım* 'взять бы мне', аз. *alasan*, гаг., тур. *alasin* 'взять бы тебе', аз., тур. *ala* 'взять бы ему', аз. *alaç*, гаг., тур. *alalim* 'возьмем-ка', аз., гаг., тур. *alasiniz* 'взять бы вам', аз., тур. *alalar* 'взять бы им'. Однако в письменных памятниках азербайджанского и турецкого языков она, по крайней мере до XVIII в. «была одним из основных элементов в системе временных форм».²³

Определенный интерес представляют производные морфологические образования от имени действия типа *jaza*, *bara*.

Одним из таких образований Ж. Дени²⁴ назвал причастие будущего времени с оттенком долженствования на *-ažaq* (*-a-žaq*),²⁵ ср. аз. *jazılažay mäktub* 'письмо, которое должно быть написано'; к.-калп. *žazažaq kiš* 'человек, который должен будет написать'; узб. *būlažak šahar* 'будущий город', *jorqin kelažak* 'светлое будущее'. Второй компонент аффикса *-ažaq* — аффикс уменьшительности-предельности *-žaq*, ср. гаг. *aldžak* < *aldik* + *žak*.²⁶

Другая аналогичная форма²⁷ — причастие будущего времени на *-ası*, содержащее модальные оттенки долженствования и желания. Примеры: др.-тюрк. *ja qurası oçur* 'время, когда следует натягивать лук' (МК II 68); аз. *jazilası mäktub* 'письмо, которое следует написать', *jazasıjam* 'я должен написать', *jazası idim* 'я намеревался написать', *güläsim gälir* 'хочется смеяться'; тат. *barası kilä* 'ему хочется поехать'; тур. *dijesim gelijor* 'мне хочется сказать'; турк. *ajdası geljör* 'он хочет сказать'; як. *barihibin* 'я, очевидно, пойду'.²⁸ Данное причастие образовалось из сочетания имени

действия на *-a* с аффиксом принадлежности 3 л. *-sī*.²⁹ Последний вошел в состав единого морфологического показателя, что сделало возможным присоединение к нему аффиксов принадлежности 1 и 2 л.

Третья производная форма — типа *jazaraq, gelerek* — не содержит модальных оттенков.

Обзор производных форм показывает, что и они сохраняют следы многозначности имени действия на *-a*. Древнейшие из них, на *-aʒaq* и *-asī*, являются скорее, модальными, чем временными формами; более поздняя, на *-araq*, выражает время или, точнее, одновременность одного действия с другим, которому оно сопутствует.

3. Форма 1 л. мн. ч. желательного наклонения, как и форма ед. ч., образуется при помощи аффиксов *-a(j)* и *-ʒa(j)*. Отличается же она от последней тем, что включает в себя дополнительные компоненты *-lī, -līq, -līy, -līm*, квалифицируемые как показатели лица и наклонения³⁰ или лица и числа.³¹

Особого внимания заслуживает попытка К. Брокельмана³² и Э. В. Севортяна³³ сблизить аффикс 1 л. мн. ч. желательного наклонения *-alī* с аффиксом супина, или деепричастия цели, *-ʒalī*. Хотя супин, действительно, близок по содержанию к форме желательного наклонения, сближение *-alī* с *-ʒalī* встречает препятствия, аналогичные тем, с которыми приходится иметь дело при попытке возвести аффикс *-a(j)* к аффиксу *-ʒa(j)*. Так, если в огузских языках начальный *ʒ* в аффиксальных морфемах выпал, то почти во всех других тюркских языках он сохранился. Не случайно в них форма 1 л. мн. ч. желательного наклонения оканчивается на *-alī, -alīm, -alīy, -alīq, -ajīq, -ajlī, -ajluq*, а супин (деепричастие цели) — на *-ʒalī*, ср. др.-тюрк. *alalīm, alalīy* 'возьмем-ка', *alʒalī* 'чтобы захватить', *sönüşgäli* 'чтобы сразиться'; ст.-узб. *körälīm* 'увидим-ка', *körgäli* 'чтобы увидеть', *jegäli* 'чтобы есть'; кирг. *žürejik* 'пойдем-ка', *žürgeli* 'чтобы идти'; кирг. *satali(q)* 'продадим-ка', кирг. (диал.) *satqalī* 'чтобы продать';³⁴ уйг. *alajlī, alajluq* 'возьмем-ка', *alʒilī* 'чтобы взять', *kätkilī* 'чтобы отправиться'.

Этимологический состав аффиксов *-lī, -līq, -līy, -līm* не ясен, и все предпринимавшиеся до сих пор попытки объяснить его не были достаточно убедительными. Этот вопрос, по-видимому, останется открытым до появления новых фактов, так как возможности интерпретации имеющихся материалов исчерпаны. Тем не менее, уже сейчас хотелось бы выразить несогласие с теми тюркологами, которые готовы видеть в объединяющем приведенные выше аффиксы компоненте *-lī* показатель множественного числа.³⁵ Во-первых, тюркским языкам на всем протяжении их письменной истории не были известны подобные показатели множественности. Во-вторых, для тюркских языков кажется недопустимым образование формы 1 л. мн. ч. путем присоединения личного показателя к показателю множественности, ср. тув. *körēliyer* (< *körēliyer*) 'посмотрим-ка' (мн. ч.), *körēli ~ körēl* 'посмотрим-ка' (дв. ч.). Мы считаем, что формы типа *alalī, alil*, как и формы типа *alajlī, alaj*, лишены показателей лица и числа.

Чем же тогда является компонент *-li*, какова его роль в составе рассматриваемой формы? На наш взгляд, существует еще один ответ на эти вопросы, кроме упомянутых выше, хотя, разумеется, и он уязвим для критики. Поскольку для 1 л. мн. ч. вообще характерны некоторые отклонения от парадигматической нормы, не исключено, что форма типа *alali* имеет своеобразную природу и что выбор прототипа в данном случае не был обычным. Весьма вероятно, что в основе этой формы — вторичные имена действия типа *barali*, *baraliq* (*bara-li*, *bara-liq*), ср. аналогичные морфологические образования от других имен действия: *bararli*, *bararliq*, *barçali*, *barçaliq*, *barçanlı*, *barçanlıq*, *barmaqlı*, *barmaqlıq*, *barmalı*, *barmalıq*, *barıçlı*, *barıçlıq*, *barçulu*, *barçuluq*.

Итак, мы приходим к следующему выводу, который далеко не окончательный и в определенной своей части нуждается в уточнениях: общетюркская форма желательного наклонения, образуемая при помощи аффикса *-a(j)* [во мн. ч. *-a-li(q)?*], восходит к древнему имени действия на *-a*, генетически не связанному с именем действия на *-çaj(j)*. Что касается *j*, отсутствующего в праформе (ср. аз. *alam* и тур. *alajım*, кирг. *alalı* ~ *alalıq* и узб. *olajlik*), то, принимая во внимание параллельное функционирование форм на *-a* и на *-çaj(j)* и случаи их контаминации, наиболее вероятной причиной его появления следует считать действие аналогии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 122.

² Gabaın A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 110.

³ Рагимов М. Ш. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. АДД. Баку, 1966, с. 37, 38, 41, 51; Мирзезаде Н. Азербайджан дилинин тарихи морфолокијасы. Баку, 1962, с. 229 и сл.

⁴ Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—54, S. 227.

⁵ Щорбак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 156, 157; Шукуров Ш. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. АДД. Ташкент, 1974, с. 20 и сл.

⁶ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, 1. М., 1952, с. 447; Рагимов М. Ш. История формирования наклонений. . . , с. 36, 38, 40; Тумашева Д. Г. Хэзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964, с. 150; Грунина Э. А. Форма времени на *-a/-e* по памятникам турецкого языка. — В кн.: «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова». М., 1966, с. 30, 35.

⁷ Дену J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, с. 923, 924; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 246.

⁸ Шукуров Ш. Наклонения и времена. . . , с. 24—27.

⁹ Brockelmann C. Osttürkische Grammatik. . . , S. 229.

¹⁰ Бабанязов Х. Фонетико-морфологические особенности кипчакских говоров Южного Хорезма. АКД. Ташкент, 1966, с. 31.

¹¹ Мирзеев М. М. Бухарская группа говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1965, с. 44.

¹² О семантике формы на *-çaj* ~ *-qaj* в тюркских языках см.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 397—399.

¹³ Рагимов М. Ш. История формирования наклонений. . . , с. 8, 11.

¹⁴ Савченко А. Н. Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке. ВЯ, 1955, № 4, с. 120.

¹⁵ Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934, с. 134.

¹⁶ В тюркских языках временные значения многих форм изъявительного наклонения «отягощены» модальными оттенками и в настоящее время.

¹⁷ Щербак А. М. «Деепричастие» на *-a* ~ *-ä* (*-j*) в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики. К 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.—Л., 1960, с. 232, 233. Ср.: B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten. СПб., 1851, S. 208, 209.

¹⁸ М. Ш. Рагимов. История формирования наклонений. . . , с. 58.

¹⁹ Bang W. Monographien der türkischen Sprachgeschichte. «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl.», 1918, S. 87.

²⁰ Очевидно, это обстоятельство побудило В. Г. Кондратьева высказаться в пользу предположения «о происхождении деепричастия на *-a* от причастия желательной формы будущего времени на *-ja*». — Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 43.

²¹ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 168.

²² Ахметов М. А. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. — СТ, 1974, № 3, с. 43.

²³ См.: Рагимов М. Ш., История формирования наклонений. . . , с. 56, 57; Грунина Э. А. Форма времени. . . , с. 28.

²⁴ Deny J. Grammaire de la langue turque, p. 923.

²⁵ См.: Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte, S. 87 и сл. О происхождении формы на *-ažaq* см. также: Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка. Уч. зап. Кабардино-балкарского ун-та, 1958, № 4. Сер. истор.-филол., с. 311 и сл. (тур. *geležek* < *geleržek; *geler* — причастие настоящего-будущего времени, *žek* < *žaq* < *caq* 'время').

²⁶ См.: Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 239.

²⁷ См.: J. Deny. Grammaire de la lanque turque, p. 923.

²⁸ См.: O. Böhrling. Über die Sprache der Jakuten, S. 212; Коркина Е. И. Наклонение глагола в якутском языке. М., 1970, с. 195 и сл.

²⁹ В. Банг предлагал рассматривать *-aš* как сочетание аффикса *-a* (< ал. 'брат' в служебном значении) и аффикса имени действия *-siq*. — Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, I. SPAW, XXII, Berlin, 1916, S. 531—535. Ср.: Рагимов М. Ш. История формирования наклонений. . . , с. 97, 98. По мнению Н. А. Баскакова, форма на *-aš* появилась в результате фонетических изменений причастия будущего времени на *-yusi*. — Баскаков Н. А. 1) Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, с. 420, 421; 2) Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков. САЖ, XVII, 2—4, Wiesbaden, 1973, с. 97. См. также: Мелиев К. М. Имена действия в современном уйгурском языке. АКД М., 1953, с. 12; Алиев В. Г. Причастия в современном азербайджанском и узбекском языках. АКД. Ташкент, 1965, с. 21.

³⁰ Ср. у В. Банга: *-al* в *-alī*, *-alīm*, *-alīq*, *-alīn* от глагола *al*-, используемого для выражения модальности. — Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik. . . , I, S. 535.

³¹ См.: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, с. 449, 450; Севортян Э. В. Категория сказуемости. — ИСГТЯ, II, 1956, с. 19.

³² Вгосkelmanн С. Östtürkische Grammatik. . . S. 228.

³³ Севортян Э. В. Категория сказуемости, с. 19.

³⁴ См.: Турсунов А. Деепричастие в современном киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1958, с. 8.

³⁵ См.: Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 263; Благова Г. Ф. Стрoение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению. — СТ, 1973, № 1, с. 13, 17.